

Недосягаемая высота ч.1

Краткий, безличный комментарий Леонардо, относящийся к падению Милана, который целых восемнадцать лет был его домом, может показаться обескураживающе равнодушным, однако Леонардо всего лишь констатировал то, что случилось. Как многие одинокие люди, к тому же гении, Леонардо не испытывал привязанности к какому-либо политическому режиму или к месту: его национальность была внутри него самого. Конец правления герцогов Сфорца означал для него лишь то, что он должен искать себе нового покровителя и к этому нужно приложить определенные усилия. Но к 1499 году создатель «Коня» и «Тайной вечери» уже завоевал себе славу, и это избавляло его от необходимости ходить и просить.

В его намерения входило вернуться во Флоренцию, однако он направился туда кружным путем, заехав сперва в Мантую для ознакомления с фресками Андреа Мантеньи. Там он встретил умную и на редкость настойчивую даму — маркизу Изабеллу д'Эсте, свояченицу герцога Сфорца. Она потребовала, чтобы Леонардо написал ее портрет, и добивалась своего со всей властью и хитростью, на какие была способна. Ее настырность, льстивость и неразборчивость в средствах казались ужасающими: такой известный мастер, как венецианец Джованни Беллини, у которого не было ни малейшего желания писать ее, еще раньше сбежал. Леонардо, который почти всегда мог отговориться от неинтересного заказа и умел защитить собственное достоинство и свой покой, все же не смог отделаться от Изабеллы. К началу 1500 года относится его картон с ее профилем. (В живописи слово «картон» означает создание детального эскиза размером с предполагаемую картину.)

Картон, очевидно тот самый, который теперь находится в Лувре, был со временем весьма серьезно переделан и по сравнению с другими работами Леонардо представляет незначительный интерес. Глядя на него нельзя отделаться от впечатления, что с его помощью Леонардо мстил этой приставучей женщине. Конечно, он не мог позволить себе карикатуру: все-таки Изабелла была маркизой, и это ограждало ее от подобных оскорблений. Что он действительно мог сделать, так это написать ее безо всякой заинтересованности: тупое выражение лица, вялый подбородок, неблагоприятная внешность. Однако даже это не отбило охоту у этой энергичной женщины получить портрет работы Леонардо. Она продолжала преследовать его много лет подряд, пытаясь вытребовать свой портрет, писанный маслом, или выманить у него хотя бы какую-нибудь картину. Следует все же заметить, что она не получила ни одной. Тем не менее она представляла для него некую помеху: ее эмиссары слали ей письма, в которых мягко намекали на нежелание художника служить ей, что выявляет некоторые любопытные подробности из жизни Леонардо, которые при других обстоятельствах остались бы неизвестными. Покинув Мантую, — без сомнения, с чувством облегчения, — Леонардо отправился в Венецию. Там его пребывание было коротким — около трех месяцев, однако за это время он успел существенно повлиять на венецианских художников, во всяком случае на одного из них — Джорджоне, которому тогда было двадцать два года и который только вырабатывал свой стиль. Вазари пишет в «Жизнеописаниях»: когда Джорджоне «увидел несколько вещей Леонардо, тонко и глубоко моделированных глубокой тенью, то они так ему понравились, что он на всю жизнь сделал их своими образцами и в масляной живописи следовал им постоянно». Однако Джорджоне сам был столь значителен,

что не мог просто подражать Леонардо.

Его произведения, без сомнения, несут след влияния Леонардо, и не только в области определенных приемов (например, в картине «Христос, несущий свой крест» из церкви Сан Рокко в Венеции), но и в основополагающей концепции передачи пластичных форм.

Не одна лишь слава живописца предшествовала появлению Леонардо в Венеции. Он успел приобрести известность как военный инженер, а в это время венецианцы как раз испытывали в таком специалисте большую нужду. Среди других итальянских городов-государств у Венеции было больше всего связей — торговых и политических — с Востоком, а ее морская мощь привела к конфликту с турецким султаном: турецкие войска постоянно угрожали венецианцам, нападая на них на суше и на море. Турки захватывали окрестности Венеции, по ночам с колокольни Святого Марка можно было видеть их костры, а днем — их галеры со стрелками, курсировавшие в непосредственной близости от берега. Неясно, предложил ли Леонардо венецианцам свои услуги или они наняли его, но он произвел топографическое обследование окрестных земель и пришел к выводу, что, для того чтобы захватить Венецию, войскам султана необходимо будет переправиться через реку Исонцо. Он посоветовал сконструировать дамбу со шлюзом, который в нужный момент можно будет открыть и затопить нападающих. Затем он занялся проблемой уничтожения турецкого флота.

Для этого он изобрел разные приспособления для ныряния, а также то, что можно назвать маленькой подводной лодкой, с помощью которой можно было незаметно подобраться к неприятельским кораблям под водой. Сама идея не была нова: еще Аристотель писал о нырятьельном колоколе в руках; у Леонардо были описания масок и дыхательных трубок, используемых восточными ловцами жемчуга. Однако он скорее всего изобрел нечто новое, прежде неслыханное: некое средство для обеспечения человека, находящегося под водой, воздухом. Что это было — он держал в секрете и отказывался разглашать «по причине злой человеческой природы». В этом объяснении можно усомниться: в других случаях Леонардо охотно демонстрировал свои хитроумные и даже смертоносные изобретения. Однако его зашифрованные записи и данный в письменной форме совет самому себе «найти какого-нибудь простого юношу», чтобы тот помогал ему в изготовлении нырятьельного оборудования, свидетельствуют о том, что он был близок к созданию чего-то действительно из ряда вон выходящего. По мере успешного продвижения работы Леонардо все больше верил в успех. Он был настолько уверен, что уничтожит турок, что, как будто грезя наяву, писал пламенные слова: «Я разрушу гавань! Если вы не сдадитесь через четыре часа, то все пойдете ко дну!» Он также сочинял письма, в которых требовал себе огромную долю добычи от еще не захваченного флота («Половина добычи будет твоей без рассуждений!») и пытался ставить условия венецианцам, чтобы быть уверенным, что те не отделаются от него прежде, чем он получит свою долю. Однако все его усилия были напрасны. По какой-то причине Леонардо покинул город, а венецианцы избавились от турок без его помощи. Все это кажется загадочным — еще одна неразрешимая загадка его жизни.

Когда весной 1500 года Леонардо приехал во Флоренцию, то нашел, что духовная атмосфера там полностью изменилась. Пятьсот лет назад, когда приближался тысячный год от Рождества Христова, весь христианский мир был охвачен религиозной

истерией, которая иногда граничила с сумасшествием. Конец света, туманно предсказанный в Апокалипсисе, казалось, вот-вот должен был наступить. И теперь во Флоренции, когда приближалась новая — срединная дата, повторялось нечто подобное хотя и не в столь напряженной форме. Лоренцо Великолепный к тому времени умер. Не обладавшее его опытом, семейство Медичи потеряло власть над Флоренцией и было изгнано. В 1490-е годы фанатичный доминиканский монах Савонарола приобрел огромное влияние на горожан, произнося громоподобные проповеди о скором конце света. «Вниз, вниз отправляйтесь со всем вашим золотом и украшениями, вниз, туда; где тела идут на корм червям!» — кричал он, и сраженные ужасом и охваченные чувством вины флорентинцы сооружали огромные костры — «костры покаяния», бросая в них драгоценности, богатое платье, манускрипты, картины. В конечном счете вес это обернулось против самого Савонаролы: в 1498 году он был повешен, а затем тело его было сожжено на площади Синьории. Через два года после этого, когда во Флоренцию вернулся Леонардо, атмосфера в ней снова стала сгущаться.

Леонардо не нравилось все, что делал Савонарола, о котором он знал понаслышке, и едва ли на него могли бы произвести впечатление его ужасные проповеди. Вряд ли его удивила и смерть этого фанатика. Но что творилось теперь в искусстве. Спонтанность и веселость Кватроченто исчезли. Боттичелли и Филиппино Липпи отказались от античности и обратились к религиозным темам. Что касается других художников, то учитель Леонардо Верроккио уже давно умер, Гирландайо и Антонио дель Поллайоло также лежали в могилах. Правда, на небосклоне появилась новая звезда — двадцатипятилетний Микеланджело. Его слава поистине соперничала с той, которой Леонардо добился только к сорока восьми годам.